

ПОЦЕЛУЙ ВАМПИРА

Русская мистика

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)-44
П64

Составитель *Анна Жиркова*

Оформление серии *Натальи Ярусовой*

Поцелуй вампира : русская мистика. — Москва :
П64 Эксмо, 2026. — 256 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-242722-0

Забудьте о бледных аристократах в плащах с западноевропейских холмов. Русский вампир — явление иное, куда более загадочное... Он — упырь, вурдалак, мертвец-убийца, бродящий не по готическим замкам, а по тускло освещенным улицам губернских городов, по темным лесам и сумрачным усадьбам, где пахнет страхом и грехом.

В сборник русской вампирической прозы вошли рассказы Валериана Олина, Владимира Даля, Григория Данилевского, Тэффи, Евдокии Нагродской, Алексея Толстого и других писателей.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)-44

ISBN 978-5-04-242722-0

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ВАЛЕРИАН ОЛИН

ВАМПИР

Рассказ из хроники Саксона Грамматика

Два вождя или князя Нормандских поклялись друг другу быть ратными братьями, и клятва сия обязывала их не только подавать взаимную себе помощь во всех приключениях их бранного острова, но даже не переживать друг друга. Асвейт погиб первый в сражении, и Асмонд, его сотоварищ, верный их ужасному условию, хотел быть погребен живой в его гробнице. По обычаю севера сия гробница была обширный погреб, в который вместе с прахом усопшего опускали его коней и военные трофеи. Когда обряд погребения был совершен, Асмонд сошел в последнее жилище своего ратного брата, и ни один взгляд, и ни одно движение не обнаружили в нем ни малейшего сожаления. Воины обоих вождей завалили вход в погреб одним из тех огромных камней, кои отличают еще до сих пор мавзолеи храбрых Нор-

мандцев, засыпали землею и, простясь со своими вождями, рассеялись как стадо, потерявшее своего пастыря.

Годы прошли за годами; уже протекло сто лет, как однажды некоторый вождь Шведский прибыл в долину, получившую свое наименование от мавзолея двух соратных братьев. Выслушав историю их жизни, вождь сей решился открыть погреб, отчасти для того, что у народа сего почиталось подвигом храбрости презирать гнев героев, возмущая мир гробниц их; отчасти чтобы завладеть добрыми копьями и другими оружиями, посредством коих завоевали они свою славу. Таким образом, он приказал своим воинам приступить к работе; но самый отважнейший из сих пиратов содрогнулся и отступил, когда вместо безмолвия могилы они услышали во глубине сего жилища смерти ужасные крики, звук оружия, стук мечей, одним словом, весь шум смертельного боя между двумя единоборцами. Однако ж, несмотря на то, один молодой воин был опущен в погреб посредством веревки, которую вскоре потом вытянули обратно, чтобы узнать о причине сей странной тревоги; но кто-то другой занял место сего отважного молодого человека, и веревка вытащила Асмонда, одного из двух соратных братьев, пережившего другого. Он предстал пред взоры Шведов с мечом в руке, с разбитым вдребезги панцирем, и левая щека его была вся изодрана, как бы когтями хищной птицы. Едва увидел он

дневный свет, как с сим даром импровизации поэтической, столь свойственным древним воинам, он рассказал в стихах, что едва только навалили могильный камень на него и на Асвейта, как труп сего последнего вдруг ожил. Сей Вампир, жадный крови, сначала растерзал и пожрал коней; потом, с окровавленными челюстями, устремился он на храброго вождя, давшего столь неоспоримое доказательство своей дружбы. Герой сей, нисколько не уstraшенный, схватил свое оружие и защищался мужественно против Асвейта — или, лучше сказать, против демона, облекшегося в его тело. Сие ужасное единоборство продолжалось уже целый век, и Асмонд в ту самую минуту, как открывали погреб, поверг на землю своего противника и вбил ему в спину кол, чтобы довести его навсегда до обыкновенной гробовой неподвижности. Прославив таким образом свое торжество, Асмонд упал мертвый перед изумленными Шведами, которые вынули из могилы Асвейта и сожгли его, бросив пепел на ветер, и положили на его место тело победителя, надеясь, что он уже будет отдыхать спокойно в сем уединенном мавзолее.

1833

Владимир Даль

УПЫРЬ

Украинское предание

Отец Маруси был казак зажиточный, а мать ее добрая хозяйка, так они и жили хорошо; а как дочь была у них одним-одна, то они в ней души не слышали, баловали ее и одевали краше всех девок на селе. Марусе и всего-то был тринадцатый год; но когда она, бывало, в воскресенье выйдет погулять разодетая как невеста, то уж к девчонкам не пристает, а все к большим девушкам, чтоб с ними скорее поровняться. И правду сказать, что скоро стали на нее все паробки¹ заглядываться; а когда она еще немного подросла и сложилась, то все знали, что не только на селе, но и во всем повете не было красавицы против Маруси. Марусенька, рослая и статная, была и покруглее других, и потоньше их: она и не глядела простой мужич-

¹ Паробок — парень (укр.).

кой, и немного было таких пышных девушек даже между богатыми хуторянками.

И, видно, Маруся сама знала, как она была хороша, потому что, гуляя с подругами, не давала, однако же, никому из паробков к себе приступить-ся, а, влюбив их в себя, тешилась над ними, забавлялась и только дурачила. От этого и прозвали ее гордой Марусей и говорили, что она не пойдет за простого, хорошего человека, а разве только за паныча в тонкой сукманке¹. Маруся отшучивалась, а все держалась против парней строго; но подруг своих, девок, не чуждалась и часто их обдаривала и наряжала; а уж убрать голову, заплести и положить вокруг косы ленты, заткнуть к вискам пучочки цветов — этого никто не умел сделать против Маруси, хоть она и не училась этому нигде, а так сама знала. Бывало, когда время такое, что никаких цветков нет, то достанет пучок старых сухих, что и смотреть не на что, либо желтеньких да лиловых неувядалок, или хоть просто пучочек алой калины, да как только уберет этим голову свою, то ровно на ней все расцветет и заиграет, и так она хороша, что ни одна девка не украсится против нее и самыми лучшими цветочками.

Пришла осень, и по обычаю от праздника Андрея Первозванного начались девичьи вечерницы; все собираются в одну избу, каждая приносит с собою что есть, пекут пампушки, вареники,

¹ Сукманка — суконный кафтан.

пьют и едят, и веселятся. Собрались они, и Маруся с ними; напекли и наварили всего. Вечером пришли и парни, один со скрипичей, другой с сопелкой, и началась пляска и такая гульба, что дым коромыслом. А Маруся все больше особнячком себе, как ломливая гостья; смотрит она и шутит, мотается туда и сюда, а до нее не дотыкайся никто. Наконец упростили ее, что пошла плясать, да и то с тем уговором, чтобы парень не трогал ее, а плясал бы сам по себе, а она сама по себе; как пошла — то все загляделись на нее, не могли налюбоваться.

Вдруг входит в избу молодец, которого никто прежде тут не видал: и собой пригож, и одет так чисто и хорошо, как у самых богатых казаков редко дети одеваются, одна шапка смущатая чего стоит, пояс, чоботы¹, а платок шелковый, персидский. Поздоровался он со всеми, девушки сказали: «милости просим», он тотчас и достал кошелек с деньгами и посылает парней за медом, пивом, наливками, пряниками и орехами. Вот одна из девок вызвала брата своего, чтобы шел скорее за лакомствами, а тот, взяв деньги от чужого молодца, стоит да и вертит их промеж пальцев. «Что ж ты?» — а он и показывает, что вместо четвертачка чуженин дал-таки настоящий золотой червонец! Тот глянул: «Все одно, — говорит, — ничего, ступай, там сдадут; а не то хоть на все возьми, коли

¹ Ч о б о т — сапог, башмак (*устар.*).

сѣдят, на здоровье!...» Люди поглядели на него, переглянулись да и притихли, таких-де богачей в нашем околотке не водилось!..

Пошло гулянье, пляска, и Маруся не отказывалась плясать с чуженином, а он всех угощает и потчует, а сам с нею с одною только и водится. Так он, видно, сразу полюбил Марусю, да и она на него ласковее смотрела, чем на Михалка и на других; а плясал он так, что все на него загляделись и решили, что один он только в ровни Марусе и годится. Пришла полночь, и гость говорит, что пора ему домой; взял он шапку, утер лицо шелковым платком и просит Марусю, чтоб она его проводила хоть до ворот. Она было призадумалась, да девки спровадили ее: «Иди, — говорят, — отчего тебе такого хорошего человека не проводить?» Как только они вдвоем вышли, то он поцеловал Марусю и спросил ее: «А пойдешь ли ты за меня?» — «Что ж! — отвечала она, — вы, кажется, хороший человек, возьмете, так отчего не пойти?» Он поцеловал ее и ушел.

Воротившись, Маруся недолго посидела на вечернице, грустная, задумчивая, и никто не мог ее развеселить. Правда, что она не резва была и в прежнее время, а всегда держалась и пышно, и гордо, но все-таки она была теперь не та, что прежде; это заметили все, и потому, посмеявшись, в голос решили, что Маруся полюбила чуженина и теперь уж подавно никого не захочет знать из ровней своих; а гость этот должен быть богатый

хуторянин, коли не сам дворянин, но никто не знал, откуда он взялся.

Михалка, о котором мы упомянули, слушал также все это молча, подгорюнившись еще больше, чем Маруся, и скоро ушел. Это был добрый и предобрый детина, но не так богатый, а простой и работающий, который давно уже любил гордую Марусю, не смея ей сказать этого, и не надеялся увидеть своего счастья, потому что она не глядела на него, и он видел, что услуги его ей докучают. Он, горько вздохнув, побрел домой, посидел еще с часок на завалинке, прислушиваясь издали, как на вечернице гуляют, да раздумывая о горе своем, а потом вошел в избу, где отец и мать его давно спали, и также завалился, горемычный, на свое место. «Не видать мне счастья своего, — подумал он, — а другой не возьму, сердце не примет; так и буду колотиться, лишь бы день за днем проходил...»

Маруся пришла домой, и мать расспросила ее, хорошо ли она погуляла и что у них там было. Маруся рассказала все, и про чужого человека, красавца и богатого, который ее сватал. «Кто ж он такой, — спросила мать, — и откуда?» — «Не знаю». — «Так ты, доню¹, как пойдешь опять завтра вечером, верно, он будет, и расспроси его хорошенько обо всем».

На другой вечер Маруся оделась и нарядилась опять как могла получше и пришла на вечерницу,

¹ Ласковая форма слова «дочь».

а вскоре пришел и вчерашний молодец. Михалка сердечный уж и не приходил больше, хоть его мать и посылала, а сказал: «Не хочу, что я там буду делать? Есть без меня...» Вот опять пошла гульба вчерашняя, опять молодец потряхнул деньгами, всех употчевал лакомствами и плясал с Марусей на диво: она была так весела и игрива, что все ею любовались; а когда жених ее пошел домой и вызвал ее опять проводить его, то она спросила его, кто он, откуда и как его зовут? Он отвечал, что он панского роду, а не простого, что у него богатый хутор и много скота, а зовут его зовуткой: «Какая тебе нужда, Петра ли ты полюбила, Максима ли? Как бы ни звать, а за имя не разлюбить стать!» С тем и ушел.

Маруся прямо пошла домой и рассказала все матери, а та дала ей на другой вечер клубок пряжи и сказала: «Когда будет уходить хуторянин твой и с тобою прощаться, то прицепи ты ему нитку, а сама стой и разматывай клубок, покуда нитка больше не будет тянуться; тогда пойдй осторожно по нитке следом за ним, и ты увидишь, по какой дороге и куда жених твой ушел».

На другой вечер все шло по-прежнему; девки насилу дождались тароватого¹ чуженина, который всех их потчует всякими лакомствами, так хорошо пляшет и веселит всю вечерницу; он опять ухаживал более всех за Марусей и позвал ее за собой

¹ Т а р о в а т ы й — щедрый (устар.).

в проводы. Тут она сделала, что велела мать, и наконец, никому не сказав ни слова, пошла одна ночью, чтоб выследить своего хуторянина. Нитка недолго шла по улице, а, повернув по проулочкам, пошла через плетни, дворы, а там задами на край села; Маруся остановилась было, но, подумав, бойко пошла по ней дальше. «Неужто я своего суженого буду бояться? — подумала она. — Пойду, куда он, туда и я; теперь же темно, ему меня не увидеть, а хоть бы и увидал — нужды нет; скажу, что хотела узнать, откуда и кто он». Но Маруся вскоре опять робко остановилась: нитка довела ее до кладбища, которое было без огорожи или канавы, тотчас за селом. «А что ж, — подумала она, — коли он прошел тут, то и я пойду за ним. Тут дедушка мой лежит и бабушка — чего мне бояться?» Еще раз десяток шагнула Маруся, и нитке был конец: она уходила в землю. Чтоб увериться, так ли это, Маруся потянула за нитку: кто-то сильно дернул ее к себе в землю, оборвал в руках Маруси и отвечал на испуг Маруси не голосом, а синим огнем, который вспыхнул на могиле и погас. Бедная девка, не помня себя, бросилась бежать, спотыкаясь впотьмах и падая, и наконец чуть живая добежала домой; тут она долго отдыхала и потихоньку вошла в хату.

Мать, однако ж, услышала ее и спросила: «Что, доня моя, был он?» — «Был». — «Что ж?» — «Обещается взять за себя». — «А по клубку следила?» — «Следила, да недалеко — оборвал он нитку и бросил».

Наутро Маруся весь день ходила как сама не своя, с больной головой, и ничего не могла ни припомнить хорошенько, ни понять; но ей чудились во сне и наяву такие страсти, от которых в ней замирала кровь: будто видела она, когда вспыхнуло синее пламя, что делалось под землей, в могиле, и будто милый ее, страшно сказать... — грыз там покойника. Она все молчала, не смела ничего сказать; прошел вечер, и мать ее опять посылает: «Иди, доня, да играй и веселись хорошенько, чтоб любо было и тебе, и другим». А мать, которая, бывало, часто журила Марусю за гордость и недоступность ее, боясь, чтоб не ослабилась она через это и чтоб не откинулись все женихи, рада-радешенька была, что дочь наконец хоть кого-нибудь нашла по себе, да еще богатого хуторянина.

Пошла дочь, и все опять до конца было то же; только она боялась идти провожать своего жениха и хотела было отказаться; но прочие девки все за него заступились и выпроводили ее почти силой: «Иди, чего ты, дура, боишься, с таким молодцом? Да впервые, что ли, тебе провожать его?» Пошла. Он остановился, спросил опять: «Пойдешь за меня?» Ей нечего больше говорить, отвечает: «Пойду». — «А была ты вчера ночью на погосте?» — «Нет, не была». — «А видала там что-нибудь?» — «Нет, не видала ничего». — «За это завтра твой отец умрет», — сказал он и пошел.

Страшно Марусе бедной, и тоска напала на нее смертная, а деваться некуда: пришла домой

и молчит. День настал — она бродит, ровно без ума, не знает, что Бог даст, что будет. Пришла рано по воду, приходит с ведрами домой от колодца — мать голосит, говорит, отец вдруг помер. К вечеру его похоронили, а Маруся, бедная, сидит, забившись подле печи, закрыла лицо руками, свету Божьего не видать. Настала ночь, и подружки за нею пришли, звать на вечерницу, чтоб хоть немного ее развеселить; она не хочет, так и мать говорит: «Поди, доню, что тебе тут делать! Хоть посиди да погляди на других...» Девки заговорили ее и потащили дружно силою за собой.

Маруся села, подгорюнясь, в углу, не стала ни петь, ни плясать, ни играть, а когда пришел жених ее и стал расспрашивать, отчего она такая невеселая, то девушки отвечали за нее, что у нее, у бедной, сегодня отец умер. Маруся тряслась как лист; молодец пожалел, стал ее утешать, потчевал всех по-прежнему, пел и плясал, а уходя, опять стал ласково просить, чтоб Маруся его проводила. Она тряхнула головой, но подружки подняли ее насильно и отдали в руки чуженина; Маруся вздрогнула, затряслась, но, будто не своей волей, молча пошла за ним.

«Что, Маруся, — спросил он ее на дворе — была ты третьего дня ночью на погосте, ходила за мною следом?» — «Нет, не была». — «А видела там что-нибудь?» — «Ничего не видала». — «За это у тебя завтра мать умрет». — И пошел сам своей дорогой.

Маруся упала, хотела кричать, но не смогла; у нее не было ни силы, ни голоса, ровно кто рукою зажал ей рот, так что она не могла дышать и обомлела. Девкам было не до нее: у них шло там свое веселье; а если кто и вспомнил про нее, так думал, что она пошла с молодым либо ушла домой. Долго ли она лежала, и сама того не помнила, но, очнувшись, она пошла домой, легла и всю ночь тихонько проплакала. На заре мать ее вдруг начала стонать и через час ни с того ни с сего отдала Богу душу. На бедную девушку напал такой страх, что она уж не могла и плакать.

Что ж, живой не без места, мертвый не без могилы: похоронили и мать, больше делать было нечего. Осталась бедная Маруся одна, и так ей страшно стало в пустой избе, что заперла она ее и пошла к соседям. Там она просидела до вечера; и опять пришли товарки ее, чтоб не дать ей загруститься и закручиниться, и, жалеючи ее, против воли увели с собой. Она, бедная, совсем была без памяти, не опомнилась еще и не опозналась в сиротском одиночестве своем и сидела среди общего веселья, будто пришла с того света. Вдруг все радостно зашумели; Маруся вздрогнула — к ней подошел чуженин. «Полно тужить, Маруся! — сказал он. — Вот я опять к тебе пришел; тугой поля не изъездишь, нудой моря не переплывешь! Пойдем плясать!» — «Не троньте ее, бедную, — сказали девушки, — у нее сегодня мать умерла!» — «Как? — сказал тот, удивившись этому

новому горю и крепко жалея бедную Марусю. — Вчера отец, а сегодня мать? Шутите вы?» — «Нет, кто шутить станет, избави Бог!» — «Бедная ты, сердечная моя! — сказал тот. — Как же ты теперь жить станешь круглою сиротою, вести хозяйство, управлять домом? Тебе нужно искать доброго человека... Как вы рассудите, люди добрые, я на всех на вас пошлюсь, правду я говорю?»

С этого слова пошли шутки; Маруся молчала на все, что ни говорили, хотела было уйти, но не смогла, а сидела как прикованная; когда же ненавистный ей жених собрался идти, не поддаваясь ни на какие просьбы девушек остаться еще и погулять, то он опять ласково позвал ее в проводы. Маруся взглянула на него в первый раз во весь вечер, встала и пошла за ним. «Теперь я ничего не боюсь, — подумала она, — пусть делает со мною что хочет!»

«Любишь ли ты меня, Маруся?» — спросил он ее. «Нет, не люблю». — «А пойдешь ли за меня?» — «Нет, не пойду». — «Стало быть, ты меня обманула?» — «Ты первый меня обманул, а я потом». — «Ну а признайся, ходила ты за мною следом, была на погосте?» — «Нет, не была». — «А видела там что-нибудь?» — «Ничего не видела». — «Ну, так за это ты завтра к вечеру и сама помрешь». — «Дай Бог! — сказала бедная Маруся. — Дай Бог! Чего мне еще оставаться тут?»

Но едва успела она это выговорить, как вдруг, и сама она не знала с чего, пришел ей на ум Михалка, которого она с таким презрением всегда от

себя гоняла, а теперь и давненько уж не видала, потому что он не навязывался, а с того вечера, как в первый раз появился чуженин, ни разу ей не попался на глаза.

«Что делать, бедный мой Михалка? — подумала она. — Видно, такая судьба наша, и твоя, и моя!» — И залилась горячими слезами.

Задумавшись, повесив голову и опустив обе руки, побрела она домой и, забывшись, вдруг остановилась перед порожней хатой своей, взглянула, вздрогнула, заломила руки и долго глядела на темные окошечки; потом она повернула назад и пришла ночевать к соседке. Та приняла ее чадолюбиво и долго еще утешала, не замечая, что бедная Маруся не слушала утешений этих и даже не слышала их.

Рано утром пошла она домой, посидела в одинокой избе своей, помолилась, напоила скотину, пошла на могилы отца и матери и поплакала там, воротилась домой и заперлась, будто ее нет. Она хотела умереть так, в одиночестве своем, веря словам страшного чуженина, который ей доселе пророчил одну правду; но вскоре взяла ее такая тоска и даже страх, что, вспомнив о слепой бабушке своей, жившей верстах в семи, она вышла, заложила волов и поехала к старухе, которую уж очень давно не видала, поехала — выплакать перед нею горе свое. Ей хотелось чего-нибудь родного, а тут она была одна, между чужими людьми и даже не смела подумать о бедном Михалке, который теперь также сделался для нее чужим...

«Здравствуй, бабушка!» — «Здравствуй, доню! Кто ты? Я что-то не признаю тебя по голосу...» — «Ох, бабуся, и давно уж ты меня не слышала. Я Маркушенкова Маруся, внучка твоя!» — «Так здравствуй же, я рада тебе. Что отец и мать, дочка моя?» — «Худо, бабушка, оба перед Богом, померли...» — «Перед Богом! — сказала слепая бабушка, перекрестившись. — Так тут ничего худого нет. Я и близко живу, да не слышала еще об этом. А вот тебя жаль. Ты в девках еще?» — «В девках, бабуся, ведь я еще молода!» — «Знаю, помню, ты родилась в тот год, как у вас по дорогам стали канавы копать. Годов семнадцать, чай, будет... Да, так, будет; когда я ослепла, так тебе был одиннадцатый годок. Ну, как же ты теперь живешь?» — «А так живу, бабуся, что приехала к тебе умирать...» — «Христос с тобой! Зачем так? Тебе ли умирать? Это наша доля, а вам жить!»

Внучка, горько заплакав, рассказала бабушке все, что с нею было, и кончила тем, что ей теперь осталось немного часов до вечера жить.

«Ох, бабушка! погубила я и отца, и мать... Когда он, злодей мой, сказал мне, что и мой черед настал, то я обрадовалась, будто свет увидела; а теперь как время подходит, так страшно!» — «Ну, дитятко, — сказала бабушка, — прошлого не воротишь, нечего о нем и вспоминать. А пострадала ты довольно, и тебя журить — дела не поправить. Слушай же ты меня: любовник твой — это упырь, он встает из могилы, морит и ест людей... Простись теперь

со мною и сейчас поезжай домой, там выбери хорошего, надежного человека, которого бы мир послушался и не стал бы с ним спорить, подари ему пару волов своих — они тебе уж не нужны, — с тем чтобы тебя, как умрешь, не выносили хоронить в двери, а подкопали бы порог и пронесли под порогом. Дом и все, что есть, отдай попу на церковь, и только!» — «Бабушка, все, что говоришь ты, все сделаю верно. Да скажи же мне, что с этого будет?» — «А вот видишь что, доню: когда есть человек на свете, который тебя по правде и всем сердцем любит, то он тебя найдет». — «Как найдет, бабушка, когда умру?» — «Ну, умрешь так умрешь, нечего делать, и все мы умрем. А если нет такого человека, чтоб тебя, девушку, любил, ну, тогда другое дело, и я ни в чем не властна».

Заплакала Маруся, простилась с бабушкой, а бабушка, как ни любила внучку свою, давно уже научилась плакать, не прослезилась. Внучка поехала домой. Вот тут-то болело сердце ее по тому человеку, которого она, из одного только тщеславия, удалила от себя, тогда как он ее любил, да и сама она, если б только дала сердцу своему волю, полюбила б его давно... Прошлого не воротишь! «Нет, — подумала она, — такого человека нет, чтоб меня, девушку, любил... За что Михалке любить меня?»

Приехав домой, она тотчас распорядилась, как ей было сказано, сославшись на слепую бабку свою, против которой никто не посмел спорить.

Никто не верил, однако ж, чтоб Марусе пришло время умереть. Думали, что она с горя начала бредить... Но к вечеру соседка заглянула в Марусину избу, когда еще и не смерклось, и увидела ее лежащую на постели. «Что она все лежит да убивается?» — подумала добрая соседка и пошла, чтоб вызвать ее; ан Маруси бедной уж нет: она лежит себе и простывает...

Сошлись люди и не могли надивиться, что такое случилось с бедной семьей Маркушенка, что в три дня не стало ни отца, ни матери, ни дочери! Многие заплакали, глядя на красавицу, которая лежала как живая, сложив сама заживо руки и приготовив платье, в котором ее хоронить... И подруги все собрались и крепко ее оплакали; молодые парни говорили, что такой девки не скоро наживешь... Но один был, который с неделю уже никому на глаза не показывался: либо сидел дома, либо работал в поле, а теперь смело пришел в хату Маруси, когда она уже лежала на лавке, одетая и убранная в цветах как невеста, сел и сидел тут безвыходно до самых похорон. Когда уже другие петухи пропели, то он все еще сидел против Маруси и смотрел на лицо ее, которое освещалось одною лампадкой, потом вдруг заплакал, простился с нею, снял у нее с пальца медный перстенок и надел себе на палец, а ей надел свое колечко и опять сложил ей по-прежнему руки.

Поутру пришли люди, подкопали порог в сенях и сделали такой спуск и подъем, чтоб можно было